

знакомых Бунина — за одно лишь то, что приходится цитировать эти нелепые и оскорбительные домыслы.

Концепция, которая просматривается в книге В. Лаврова, сводится к следующему: Бунин — в соответствии с правилами «критического реализма» — сочувствует трудовому люду и осуждает чуждые народу политические течения. Держась в стороне от общественных споров, он по слабости характера оказывается в полной зависимости от эмигрантских авантюристов.

В отличие от В. Лаврова, В. Линков сосредоточен не на биографии Бунина, а на его художественном мире. В своем анализе он подтверждает уже сложившееся в литературоведении мнение о том, что главное для этого автора — переживание радости жизни, порождаемое чувственным обликом мира (с. 169); что один из ведущих мотивов его творчества — непознаваемость бытия (с. 156) и т. д. Основное новшество предложенной В. Линковым интерпретации — в опровержении репутации писателя как продолжателя классических традиций. Автор неоднократно подчеркивает то обстоятельство, что бунинская картина мира и человека во многом противоположна той, которая объединяет крупнейших писателей XIX столетия (с. 92—96, 98). В исследовании В. Линкова Бунин противостоит и своему кумиру Льву Толстому, и — в его лице — всей магистральной линии русской литературы прошлого века. Пожалуй, название «Бунин против критического реализма» точнее отразило бы суть книги.

Комментируя тяжбу спорящих сторон, автор по ходу дела все более входит в роль третейского судьи. Правда, в предисловии он уведомляет, что не будет принимать точку зрения одного писателя в ущерб другому, поскольку время показывает «относительную правоту и вместе с тем ограниченность каждого художника» (с. 5). Там, где речь идет об особенностях стиля, эта установка сохраняется (с. 169—170). Но если В. Линков разбирает мировоззренческие основы творчества обоих художников (а это основа его работы), он становится беспощадным. Возможно, виною здесь коварная природа сравнительного анализа как такового. Не случайно блистательный Г. К. Честертон, приступая к сопоставлению ни в чем не похожих, но одинаково любимых им авторов, опасается создать впечатление, будто он хвалит одного из них и порицает другого, ибо «сравнение всегда отдает уничижением»¹. Под пером В. Линкова сравнение Бунина с Толстым именно отдает уничижением: позиция первого неизменно аттестуется как ограниченная, а то и вовсе ущербная по отношению к взглядам второго. Так, по мнению автора книги, «Л. Толстой самый этический русский писатель», а «Бунин самый неэтический» (с. 105); «Толстой был мировой совестью» (с. 7), а «в глазах Бунина сочувствие к человеку было ложью» (с. 109); Бунин, в отличие от Толстого, «не может взамен неверного, ошибочного буржуазного идеала по-

¹ Г. К. Честертон, По обе стороны зеркала. — В кн.: Л. Керолл, Алиса в стране чудес, М., 1990, с. 237.